

Барышева Алёна Ивановна

ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И КАТЕГОРИЙ

В статье рассматривается имплицитность как одно из важнейших свойств языковых категорий. Лингвистические единицы и категории обладают большим имплицитным потенциалом, который не только позволяет обогащать их смыслом, но и добиваться определенных коммуникативных целей, среди которых воздействие на сознание реципиента, в том числе и публицистического текста, на материале которого проведено исследование.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 38-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

UNFAMILIAR HAGIOGRAPHY OF ST. JOHN CHRYSOSTOM OF THE X CENTURY

Balakhovskaya Aleksandra Sergeevna, Ph. D. in Philology
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
a.balakhovskaya@gmail.com

The article considers an unfamiliar monument of Byzantine hagiography of the middle of the X century – “A Hagiography of St. John Chrysostom” of an anonymous author. This hagiography is of great interest both in its content and literary qualities and in the impact which it made on the further development of hagiography of the bishop of Constantinople John Chrysostom. The paper pays special attention to the analysis of historical and literary peculiarities of the hagiography and its place in the hagiographical tradition of John Chrysostom.

Key words and phrases: Byzantine hagiography; hagiography; version; borrowing; exposition; menology.

УДК 811.111

Филологические науки

В статье рассматривается имплицитность как одно из важнейших свойств языковых категорий. Лингвистические единицы и категории обладают большим имплицитивным потенциалом, который не только позволяет обогащать их смыслом, но и добиваться определенных коммуникативных целей, среди которых воздействие на сознание реципиента, в том числе и публицистического текста, на материале которого проведено исследование.

Ключевые слова и фразы: дискурс; имплицитность; имплицитная информация; коннотация; языковая игра; граммема.

Барышева Алёна Ивановна

Башкирский государственный университет
bai765@yandex.ru

ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И КАТЕГОРИЙ[©]

Проблема существования имплицитной информации обсуждается в лингвистике и логике уже почти столетие. Если в середине XX века тезис о существовании имплицитности подвергался сомнению, то в настоящее время имплицитность становится объектом внимания представителей целого ряда наук, в том числе и лингвистов. В 2010 году состоялась международная конференция «Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного» (Москва) [10], посвященная имплицитности в тексте; ранее, в 1999 году, вышел сборник научных трудов «Имплицитность в языке и речи» (Москва) [6], в котором представлен ее полипарадигмальный анализ. В данной статье мы рассмотрим имплицитность как свойство языковых единиц и категорий.

Многолетние исследования показали, что лингвистические единицы и категории обладают большим имплицитивным потенциалом, который, актуализируясь в определенных условиях, позволяет не только обогащать их смысловыми «приращениями», но и добиваться определенных коммуникативных целей, в частности оказывать воздействие на сознание реципиента публицистического текста, на материале которого мы проводим исследование.

Среди исследователей нет единого понимания сущности имплицитности в языке. Так, К. А. Долинин понимает под имплицитностью «то содержание, которое прямо не воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено из последнего при его восприятии» [5, с. 43]. Ю. С. Мартемьянов и Е. Г. Борисова определяют имплицитную информацию как «ту информацию, для получения которой требуются усилия слушателя, не сводимые к сопоставлению языковым единицам их значений (т.е. «опознанию» единиц в тексте)» [6, с. 10]. Наибольшим потенциалом для передачи имплицитной информации обладает лексика.

Возникновение имплицитной информации возможно вследствие актуализации потенциальных компонентов лексического значения. Эта актуализация требует определенных усилий со стороны воспринимающего человека, поэтому можно считать ту информацию, которую он получает благодаря «опознанию» латентных признаков лексического значения, имплицитной. Так, в статье «Почем нынче игрушки для папуасов» автор высказывается следующим образом: «То есть наши французские “партнеры” начали обращаться с нами, как с папуасами» [13]. По данным толкового словаря, «папуасы» – это «коренное население Новой Гвинеи и некоторых других островов Меланезии» [8, с. 423]. В то же время денотативный компонент данного значения имплицитно содержит признак «отсталый», вследствие чего оказывается возможным подобное сравнение. В итоге сравнение нас, россиян, с папуасами «высвечивает» новую, скрытую оценку России со стороны французских разработчиков, комплекующих для авиационной промышленности: «Россия серьезно отстала в своем развитии от стран Европы, с ней можно не считаться».

Помимо денотативного и сигнификативного компонентов, выделяются также коннотации лексем, определяемые как «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального или окказионального характера» [14, с. 236]. Так, в заголовке статьи «Разворованная радиоэлектронная промышленность России стала реальной угрозой национальной безопасности» [4] имплицитно содержится и авторская оценка этого факта, поскольку лексема «разворовывание» имеет коннотацию отрицательной оценки.

В качестве одного из важнейших способов передачи имплицитной информации на лексическом уровне можно выделить также языковую игру. Например, газетный заголовок «*Камер на всех не хватит*», да и еще и с подзаголовком «*Поручение Путина невыполнимо*» [1, с. 3] неоднозначен. Лексема *камера* в заголовке может иметь значение и «отдельная комната, помещение особого назначения в некоторых учреждениях», и «фотографический, киносъемочный или телевизионный съёмочный аппарат». Второе значение имеет более специальный характер, и данная газета часто публикует материалы о нарушителях закона, поэтому создается интрига: два значения присутствуют в употреблении одновременно и попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение. В процессе же чтения читатель начинает понимать, что автор освещает ситуацию с веб-камерами для оснащения избирательных участков, то есть в тексте использовано второе значение слова.

В грамматике можно выделить использование усеченных форм прилагательных, которые считались непопулярными в современных текстах. Однако в последнее время в публицистике отмечается тенденция к стилизации, и краткие прилагательные употребляются довольно часто. Использование усеченных форм позволяет автору не только сделать отсылку читателя к предшествующей традиции, но и скрыто выразить иронию и оценку [7, с. 182-186]. В статье «Мы весь, мы старый мир разрушим...», посвященной проблеме сноса старинных памятников архитектуры и появлению новых удивительных строений, автор пишет: «*Список новых проектов велик и могуч, как "Илиада" Гомера*» [3, с. 1]. Одновременное использование усеченных форм прилагательного, настраивающих читателя на чтение произведения высокого стиля, и сравнение с «Илиадой» в данном контексте, скорее, выражают скептицизм автора по отношению к тем проектам, которые планируется осуществить в связи с застройкой Москвы и капитальным ремонтом многих зданий, – слишком большой и неподъемный, как том «Илиады», список дел стоит перед властями.

Что касается имплицитной передачи оттенков значения, в грамматике такие случаи встречаются реже, чем в лексике. Если считать, что каждая граммема имеет свое собственное постоянное значение, то любое новое, не характерное для нее значение будет считаться имплицитным. К таким случаям можно отнести появление значения результативности у несовершенного вида. Так, в статье «Закат «итерской» эры?»: «*Питерская знать стала в Москве новой элитой. Для неё нарезались куски заповедной подмосковной земли. На тихих старомосковских пятачках строились элитные дома. Её представители оккупировали большинство чиновничьих кабинетов*» [12] – видим, что четыре глагола употребляются в совершенном и несовершенном видах. Так как глаголы несовершенного вида заключены между глаголами совершенного вида, можно сделать вывод, что все описанное в тексте уже совершилось и, таким образом, все четыре глагола имеют значение результативности.

На синтаксическом уровне один из главных способов передачи имплицитной информации – эллипсис – намеренный пропуск некоторых лексем в предложении. Как отмечал А. М. Пешковский, «за столом мы спрашиваем: —Вам кофе или чай?»; встретив знакомого, спрашиваем: —Ты куда?»; услышав надоевшую музыку, говорим: —Пясть!»; И все это <...> понимается благодаря общей обстановке и общему опыту <...> Можно даже сказать, что точность и легкость понимания растут по мере уменьшения словесного состава фразы и увеличения ее бессловесной подпочвы. Чем меньше слов, тем меньше недоразумений» [9, с. 58]. Например, во фрагменте «*Потому что ни копейки не воровали! Всё шло на дело. Теперь – иные времена*» [4] пропущен глагол после наречия времени «теперь». Казалось бы, этот глагол несущественен для понимания смысла. Но, с другой стороны, на месте пропуска мог быть как глагол прошедшего времени совершенного вида «настали», так и глагол настоящего времени несовершенного вида «настают». Тогда очевидным становится различие в смыслах – в случае, если пропущен глагол совершенного вида, «иные времена» уже наступили, и изменить что-либо сложно. В случае же пропуска глагола несовершенного вида процесс еще продолжается, а значит, есть надежда на изменения к лучшему.

Также большую роль в передаче скрытого смысла играют инверсии, которые неявно акцентируют внимание читателей на наиболее значимых элементах денотативной ситуации и (или) смысловых оттенках лексем. Например, в предложении «*После давнего знакомства и даже дружбы с этим человеком можно сказать, что ни в коррупции, ни в какой-либо подлости он замечен не был*» [11] обстоятельства дополнения «ни в коррупции, ни в какой-либо подлости» выносятся в начало предложения, и тем самым акцентируется непричастность чиновника к незаконным действиям, поскольку в случае инверсии «переставленный» элемент предложения оказывается выделенным и таким образом привлекает к себе внимание» [2, с. 176].

Следовательно, публицистический текст обладает большими возможностями для имплицитирования смыслов единиц языка различных уровней языковой структуры.

Список литературы

1. Артемов А. Камер на всех не хватит // Аргументы и факты. 2011. № 51.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
3. Бакушинская О. Мы весь, мы старый мир разрушим... // Комсомольская правда. 2003. № 113.
4. Гурдин К. Разворованная радиоэлектронная промышленность России стала реальной угрозой национальной безопасности // Аргументы недели (АН). 2012. № 19. С. 8-9.
5. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. М., 1983. № 6. С. 37-47.

6. **Имплицитность в языке и речи** / отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. М.: Языки русской культуры, 1999. 200 с.
7. **Кулева А. С.** Усеченные прилагательные в поэтическом тексте и подтексте // Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного: сборник статей по материалам международной научной конференции «Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного» (20-22 мая 2010 года). М.: ИРЯ РАН, 2011. С. 182-186.
8. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. Яз., 1986. 797 с.
9. **Пешковский А. М.** Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. 252 с.
10. **Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного:** сборник статей по материалам международной научной конференции «Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного» (20-22 мая 2010 года). М.: ИРЯ РАН, 2011. 536 с.
11. **Угланов А.** Жуликов и воров становится меньше // АН. 2012. № 19.
12. **Угланов А.** Закат «питерской» эры? // АН. 2012. № 46.
13. **Угланов А.** Почему нынче игрушки для папуасов // АН. 2012. № 18.
14. **Языкознание. Большой энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685 с.

IMPLICITNESS AS LANGUAGE UNITS AND CATEGORIES PROPERTY

Barysheva Alena Ivanovna

Bashkir State University

bai765@yandex.ru

Implicitness is considered in the article as one of the most important properties of language categories. Linguistic units and categories have a large implicative potential that allows not only enriching them with meaning, but also reaching certain communicative goals, among which influencing the recipient's consciousness, including journalistic text, that is the material of this research.

Key words and phrases: discourse; implicitness; implicit information; connotation; language game; grammeme.

УДК 82-14

Филологические науки

В статье впервые представлена попытка поэтологического анализа «морского» цикла брошюр Игоря Северянина. Традиционализм, декламационная гражданственность, образно-сюжетный схематизм включенных в цикл стихотворений становятся здесь объектом исследовательской рефлексии. Не только обращение к традиционно-поэтическому и возвышенно-риторическому шаблону, но и робкие попытки сопротивления традиционной поэтике отличают северянинскую лирику 1904-1905 гг.

Ключевые слова и фразы: поэзия Серебряного века; Игорь Северянин; стихотворные брошюры; цикл «Морская война»; поэтика; стилистика.

Белова Валентина Владимировна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

lucyharmon@yandex.ru

«ВОЙНЫ ТЕКУЩЕЙ ЭПИЗОД...» (ПОЭТИКА РАННИХ «МОРСКИХ» БРОШЮР ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА)®

Времена «доисторические», когда Игорь Северянин «издавался тоненькими брошюрками, которые мало кому попадались на глаза» [1, с. 311], до сих пор остаются «вне поля зрения» литературоведов. «Брошюрную» веку в творческом наследии поэта (1904-1912 гг.) можно признать уникальным полномасштабным художественным явлением, нуждающимся в детальном исследовании и оценке.

Удивительно, что Северянин, поэт с ярким и противоречивым творческим амплуа, в сознании современников и в памяти будущих, то есть сегодняшних, поколений читателей представший лириком «узконаправленной» художественной ориентации, будуарным эгоистом-эстетом, играющим в эксцентрического гения-артиста, начинал с гражданской патриотической лирики. Цикл «Морская война» (1904-1905 гг.), составивший первые восемь брошюр поэта («К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры», «Гибель «Фюрика»», «Подвиг «Новика»», «Взрыв «Енисей»», «Потопление — Севастополя»», «Захват «Решительного»», «Конец «Петропавловска»», «Бой при Чемульпо») [4], на наш взгляд, должен привлекать особое внимание исследователей, несмотря на свою откровенно юношескую природу и очевидную тематическую и стилистическую чужеродность по отношению ко всему остальному корпусу поэтических произведений Северянина.

Все «морские» брошюры поэта посвящены событиям русско-японской войны 1904-1905 гг. Полугодовое пребывание Северянина с отцом на Дальнем Востоке, который они покинули за месяц до начала войны,